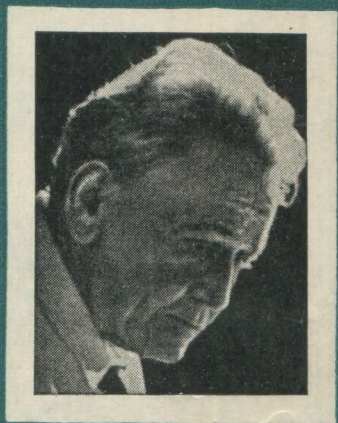

БИБЛИОТЕЧКА ИЗБРАННОЙ ЛИРИКИ

САМУИЛ
МАРШАК

Библиотечка
избранной
лирики

САМУИЛ
МАРШАК

Издательство ЦК ВЛКСМ
„Молодая гвардия“
1965

Редакционная коллегия:

**И. ГРУДЕВ, Ю. ДРУНИНА,
С. НАРОВЧАТОВ, В. ОСИПОВ,
Б. РУЧЬЕВ, Я. СМЕЛЯКОВ,
Н. ТИХОНОВ, Вас. ФЕДОРОВ**

САМУИЛ МАРШАК

Когда в начале двадцатых годов молодой Самуил Маршак приходил ко мне и стучал в мою дверь, я всегда узнавал его по этому стуку, отрывистому, нетерпеливому, четкому, беспощадно-воинственному, словно он выстукивал два слога: «Маршак», и в самом звуке этой фамилии, коротком и резком, как выстрел, я чувствовал что-то завоевательное, боевое:

— Маршак!

Был он тогда худощавый и нельзя сказать, чтобы слишком здоровый, но, когда мы проходили по улицам, у меня было странное чувство, что, если бы сию минуту на него наскочил грузовик, грузовик разлетелся бы вдребезги, а Маршак как ни в чем не бывало продолжал бы свой стремительный путь — прямо, грудью вперед, напролом.

Куда вел его этот путь, мы в ту пору не сразу узнали, но чувствовалось, что, какие бы трудности ни встретились на этом пути, Маршак преодолет их все до одной, потому что уже тогда, в те далекие годы, в нем ощущался силач. Его темпераменту была совершенно чужда добродетель долготерпения, смирения, кротости.

Повелительное, требовательное, волевое начало ценилось им превыше всего — даже в детских народных стихах.

«Замечательно, — говорил он тогда, — что в русском фольклоре маленький ребенок ощущает себя властелином природы и гордо повелевает стихиями:

Радуга-дуга,
Не давай дождя!
Дождик, дождик, перестань!»

Все эти «не давай», «перестань», «выглянь», «гори», «пусти» Маршак произносил таким повелительным голосом, что ребенок, обращающийся с этими стихами к природе, показался мне и вправду властителем радуг, ураганов, дождей.

Поразило меня в Маршаке и еще одно драгоценное качество, едва я только познакомился с ним: меня сразу, словно магнитом, притянула к нему его страстная увлеченность, я бы даже сказал — одержимость великой народной поэзией — русской, немецкой, ирландской, шотландской, английской. Поэзию — особенно народную, песенную — он любил самозабвенно и жадно. А так как его хваткая память хранила великое множество песен, лирических стихотворений, баллад, он часто читал их, а порою и пел, властно приобщая к своему энтузиазму и нас, и было заметно, что его больше всего привлекают к себе героические, боевые сюжеты, славящие в человеке его гениальную волю к победе — над природой, над болью, над страстью, над стихией, над смертью.

Я помню, что уже в те далекие годы часто восхищало меня в Маршаке его неистовое, выпивавшее всю его кровь трудолюбие. Исписать своим нетерпеливым, энергическим почерком целую кипу черновиков для того, чтобы на какой-нибудь тридцать пятой странице выкристаллизовались четыре строки, отличающиеся абсолютной законченностью, по-маршаковски мускулистые, тугие, упругие, — таков уже в те времена был обычный повседневный режим его властной работы над словом.

Но обо всем этом гораздо лучше меня скажут другие, я же с искренним удовольствием вспоминаю те далекие годы, когда мы оба, плечом к плечу, каждый в меру своих сил и способностей, боролись за честь и достоинство литературы для советских людей, которые теперь такой поэтической и щедрой любовью любят своего Маршака.

Корней Чуковский

СЛОВАРЬ

Усердней с каждым днем гляжу в словарь.
В его столбцах мерцают искры чувства.
В подвалы слов не раз сойдет искусство,
Держа в руке свой потайной фонарь.

На всех словах — события печать,
Они дались недаром человеку.
Читаю: «Век. От века. Вековать.
Век доживать. Бог сыну не дал веку.

Век заедать, век заживать чужой...»
В словах звучит укор, и гнев, и совесть.
Нет, не словарь лежит передо мной,
А древняя рассыпанная повесть.

* * *

О том, как хороша природа,
Не часто говорит народ
Под этой синью небосвода,
Над этой бледной синью вод.

Не о закате, не о зыби,
Что серебрится вдалеке, —
Народ беседует о рыбе,
О сплаве леса по реке.

Но, глядя с берега крутого
На розовеющую гладь,
Порой одно он скажет слово,
И это слово — «Благодать!».

* * *

Когда, изведав трудности ученья,
Мы начинаем складывать слова
И понимать, что есть у них значение —
«Вода. Огонь. Старик. Олень. Трава», —

По-детски мы удивлены и рады
Тому, что буквы созданы не зря,
И первые рассказы нам награда
За первые страницы букваря.

Но часто жизнь бывает к нам сурова:
Иному век случается прожить,
А он не может значащее слово
Из пережитых горестей сложить.

* * *

Когда мы попадаем в тесный круг,
Где промышляют тонким острословьем
И могут нам на выбор предложить
Десятки самых лучших, самых свежих,
Еще не поступивших в оборот
Крылатых слов, острот и каламбуров, —

Нам вспоминается широкий мир,
Где люди говорят толково, звучно
О стройке, о плотах, об урожае,
Где шутку или меткое словцо
Бросают мимоходом, между делом,
Но эта шутка дельная острее
Всего, чем щеголяет острословье.

И нам на ум приходит, что народ,
Который создал тысячи пословиц,
Пословицами пользуется в меру
И называет золотом молчанье.

* * *

Когда вы долго слушаете споры
О старых рифмах и созвучьях новых,
О вольных и классических размерах, —
Приятно вдруг услышать за окном
Живую речь без рифмы и размера.
Простую речь: «А скоро будет дождь!»

Слова, что бегло произнес прохожий,
Не меж собой рифмуются, а с правдой —
С дождем, который скоро прошумит.

* * *

Тебе пишу я этот дифирамб, —
Мой конь крылатый — пятистопный ямб.
Стих Дантовых терцин и драм Шекспира,
Не легковесен ты и не тяжел,
Недаром ты века победно шел
Из края в край, звуча в сонетах мира.

Передаешь ты радость, гнев и грусть,
Тебя легко запомнить наизусть,
Ты поэтичен, но в терпимой дозе,
И приближаешься порою к прозе.
Невыносим тебе казенный штамп,
Размер свободный — пятистопный ямб.

Чуждаешься ты речи сумасбродной,
Не терпишь ты и классики холодной.
Ведут поэта, о волшебный стих,
И в ад и в рай пять легких стоп твоих.

* * *

Все мне детство дарило,
Чем богат этот свет:
Ласку матери милой
И отцовский совет,

Ночь в серебряных звездах,
Летний день золотой
И живительный воздух
В сотни верст высотой.

Все вокруг было ново:
Дом и двор, где я рос,
И то первое слово,
Что я вслух произнес.

Пусть же трудно и ново
И свежо, как оно,
Будет каждое слово,
Что сказать мне дано.

* * *

Свои стихи, как зелье,
В котле я не варил
И не впадал в похмелье
От собственных чернил.

Но четко и толково
Раскладывал слова,
Как для костра большого
Пригодные дрова,

И вскоре — мне в подарок,
Хоть я и ожидал, —
Стремителен и ярок
Костер мой запылал.

* * *

Даже по делу спеша, не забудь:
Этот короткий путь —
Тоже частица жизни твоей.
Жить и в пути умеи.

* * *

На всех часах вы можете прочесть
Слова простые истины глубокой:
Теряя время, мы теряем честь.
А совесть остается после срока.

Она живет в душе не по часам.
Раскаянье всегда приходит поздно.
А честь на час указывает нам
Протянутой рукою — стрелкой грозной.

Чтоб наша совесть не казнила нас,
Не потеряйте краткий этот час.
Пушай, как стрелки в полдень, будут вместе
Веленья нашей совести и чести!

* * *

Мы знаем: время растяжимо.
Оно зависит от того,
Какого рода содержимым
Вы наполняете его.

Бывают у него застои,
А иногда оно течет
Ненагруженное, пустое,
Часов и дней напрасный счет.

Пусть равномерны промежутки,
Что разделяют наши сутки,
Но, положив их на весы,
Находим долгие минутки
И очень краткие часы.

* * *

И поступь и голос у времени тише
Всех шорохов, всех голосов.
Шуршат и работают тайно, как мыши,
Колесики наших часов.

Лукавое время играет в минутки,
Не требуя крупных монет.
Глядишь, — на счету его круглые сутки,
И месяц, и семьдесят лет.

Секундная стрелка бежит что есть мочи
Путем неуклонным своим.
Так поезд несется просторами ночи,
Пока мы за шторами спим.

* * *

Порой часы обманывают нас,
Чтоб нам жилось на свете безмятежней,
Они опять покажут тот же час,
И верится, что час вернулся прежний.

Обманчив дней и лет круговорот:
Опять приходит тот же день недели,
И тот же месяц снова настает —
Как будто он вернулся в самом деле.

Известно нам, что час невозвратим,
Что нет ни дням, ни месяцам возврата.
Но круг календаря и циферблата
Мешает нам понять, что мы летим.

* * *

Быстро дни недели пролетели,
Протекли меж пальцев, как вода,
Потому что есть среди недели
Хитрое колесико — Среда.

Понедельник, Вторник очень много
Нам сулят, — неделя молода.
А в Четверг она уж у порога.
Поворотный день ее — Среда.

Есть колеса дня, колеса ночи.
Потому и годы так летят.
Помни же, что путь у нас короче
Тех путей, что намечает взгляд.

* * *

Как призрачно мое существованье!
А дальше что? А дальше — ничего...
Забудет тело имя и прозвание, —
Не существо, а только вещество.

Пусть будет так.
Не жаль мне плоти тленной,
Хотя она седьмой десяток лет
Бессменно служит зеркалом вселенной,
Свидетелем, что существует свет.

Мне жаль моей любви, моих любимых.
Ваш краткий век, ушедшие друзья,
Исчезнет без следа в неисчислимых,
Несознанных веках небытия.

Вам все равно, — взойдет ли вновь светило,
Рождая жизнь бурливую вдали,
Иль наше солнце навсегда остыло
И жизни нет и нет самой земли...

Здесь, на земле, вы прожили так мало,
Но в глубине открытых ваших глаз
Цвела земля, и небо расцветало,
И звездный мир сиял в зрачках у вас.

За краткий век страданий и усилий,
Тревог, печалей, радостей и дум
Вселенную вы сердцем отразили
И в музыку преобразили шум.

* * *

Не знает вечность ни родства, ни племени.
Чужда ей боль рождений и смертей.
А у меньшóй сестры ее — у времени —
Бесчисленное множество детей.

Столетия разрешаются от бремени.
Плоды приносят год, и день, и час.
Пока в руках у нас частица времени,
Пускай оно работает для нас!

Пусть мерит нам стихи стопою четкою,
Работу, пляску, плавание, полет
И — долгое оно или короткое —
Пусть вместе с нами что-то создает.

Бегущая минута незаметная
Рождает миру подвиг или стих.
Глядишь — и вечность, старая, бездетная,
Усыновит племянников своих.

* * *

Столько дней прошло с малолетства,
Что его вспоминаешь с трудом.
И стоит вдалеке мое детство,
Как с закрытыми ставнями дом.

В этом доме все живы-здоровы —
Те, которых давно уже нет.
И висячая лампа в столовой
Льет по-прежнему теплый свет.

В поздний час все домашние в сборе —
Братья, сестры, отец и мать.
И так жаль, что приходится вскоре,
Распрощавшись, ложиться спать.

* * *

Пустынный двор, разрезанный оврагом,
Зарос бурьяном из конца в конец.
Вот по двору неторопливым шагом
Идет домой с завода мой отец.

Лежу я в старой тачке, и спросонья
Я чувствую — отцовская рука
Широкою горячею ладонью
Моих волос касается слегка.

Заходит солнце. Небо розовато.
Фабричной гарью тянет. Но вовек
Не будет знать прекраснее заката
Лежащий в старой тачке человек.

* * *

Как хорошо, что с давних пор
Узнал я звуковой узор,
Живущий в пении органа,
Где дышат трубы и меха,
И в скрипке старого цыгана,
И в нежной дудке пастуха.

Он и в печали дорог людям,
И жизнь, которая течет
Так суетливо в царстве буден,
В нем обретает лад и счет.

Ты много ли видел на свете берез?
Быть может, всего только две, —
Когда опушил их впервые мороз
Иль в первой весенней листве.

А может быть, летом домой ты пришел,
И солнцем наполнен твой дом,
И светится чистый березовый ствол
В саду за открытым окном.

А много ль рассветов ты встретил в лесу?
Не больше, чем два или три,
Когда, на былинках тревожа росу,
Без цели бродил до зари.

А часто ли видел ты близких своих?
Всего только несколько раз, —
Когда твой досуг был просторен и тих
И пристален взгляд твоих глаз.

ЖАВОРОНОК

Так беззаботно, на лету
Он щедро сыплет трели,
Взвиваясь круто в высоту
С земли — своей постели.

Среди колосьев он живет.
Его домишко тесен,
Но нужен весь небесный свод
Ему для звонких песен.

СЧАСТЬЕ

Как празднично сад расцветила сирень
Лилового, белого цвета.
Сегодня особый — сиреневый — день,
Начало цветущего лета.

За несколько дней разделись кусты,
Недавно раскрывшие листья,
В большие и пышные гроздья-цветы,
В густые и влажные кисти.

И мы вспоминаем, с какой простотой,
С какою надеждой и страстью
Искали меж звездочек в грозди густой
Пятилепестковое «счастье».

С тех пор столько раз перед нами цвели
Кусты этой щедрой сирени.
И если мы счастья еще не нашли,
То, может быть, только от лени.

«СОЛНЫШКО»

Мы солнца в дороге не видели днем —
Погода была грозовая.
Когда же оно засверкало огнем,
Ты спутникам что-то сказала о нем,
По-детски его называя.

Пускай это бурное море огня
Зовут лучезарным светилом,
Как в детстве, оно для тебя и меня
Останется солнышком милым.

И меньше не станет оно оттого,
Что где-то на малой планете
Не солнцем порой называют его,
А солнышком взрослые дети.

* * *

Сколько раз пытался я ускорить
Время, что несло меня вперед,
Подхлестнуть, вспугнуть его, пришпорить,
Чтобы слышать, как оно идет.

А теперь неторопливо еду,
Но зато я слышу каждый шаг,
Слышу, как дубы ведут беседу,
Как лесной ручей бежит в овраг.

Жизнь идет не медленней, но тише,
Потому что лес вечерний тих,
И прощальный шум ветвей я слышу
Без тебя — один за нас двоих.

ПОСЛЕДНИЙ ФОНАРЬ ЗА ОГРАДОЙ

Я еду в машине. Бензинная гарь
Сменяется свежей прохладой.
Гляжу мимоездом на бледный фонарь —
Последний фонарь за оградой.

Стоит он в углу и не ведает сам,
Как мне огонек его дорог.
Высокий фонарь сторожит по ночам
Покрытый цветами пригорок.

В углу за оградой — убогий ночлег
Жены моей, сына и брата.
И падает свет фонаря, точно снег,
На плющ и на камень щербатый.

В столицу бессонную путь мой лежит.
Фонарь за домами затерян.
Но знаю: он вечный покой сторожит,
Всю ночь неотлучен и верен.

* * *

Стояло море над балконом,
Над перекладиной перил,
Сливаясь с бледным небосклоном,
Что даль от нас загородил.

Зеленый край земли кудрявой
Кончался здесь — у синих вод,
У независимой державы,
Таящей все, что в ней живет.

И ласточек прибрежных стайки,
Кружась, не смели залетать
Туда, где стонущие чайки
Садились на морскую гладь.

* * *

Когда был черный этот лес
Прозрачным, оголенным,
Казалось чудом из чудес,
Что будет он зеленым.

Но чудо каждую весной
Бывает в самом деле.
Смотри: деревья пух сквозной,
Расправившись, надели.

Стоят, стряхнув зимы покров,
Не горбясь, не сутулясь,
Как сестры, что под отчий кров
Невестами вернулись.

* * *

Владеет морем полная луна,
На лоно вод набросившая сети.
И сыплет блески каждая волна
На длинный берег, спящий в бледном свете.

А кипарисы темные стоят
Над морем, не пронизаны лучами, —
Как будто от луны они таят
Неведомую ношу под плащами.

* * *

— Должно быть, мир не тот, не тот,
Какой ты видел в детстве! —
Щебечет птица, что живет
В саду — со мной в соседстве.

— Да, многого не узнаю
Я в наши дни, но все же
Вы на прабабушку свою,
Малиновки, похожи.

Я с ней отлично был знаком,
Когда в лесу весеннем
По скользким веткам босиком
Взлезал, как по ступеням.

ПОСЛЕДНИЙ СОНЕТ

У вдохновенья есть своя отвага,
Свое бесстрашье, даже удалство.
Без этого поэзия — бумага
И мастерство тончайшее мертво.

Но если ты у боевого стяга
Поэзии увидишь существо,
Которому к лицу не плащ и шпага,
А шарф и веер более всего,

То существо, чье мужество и сила
Так слиты с добротой, простой и милой, —
А доброта, как солнце, греет свет, —

Такою встречей можешь ты гордиться
И перед тем, как навсегда проститься,
Ей посвяти последний свой сонет.

* * *

Когда, как темная вода,
Лихая, лютая беда
 Была тебе по грудь,
Ты, не склоняя головы,
Смотрела в прорезь синевы
 И продолжала путь.

* * *

Чудес, хоть я живу давно,
Не видел я покуда,
А впрочем, в мире есть одно
Действительное чудо:

Помножен мир (иль разделен?).
На те миры живые,
В которых сам он отражен,
И каждый раз впервые.

Все в мире было бы мертво, —
Как будто мира самого
Совсем и не бывало, —
Когда б живое существо
Его не открывало.

* * *

Все то, чего коснется человек,
Приобретает нечто человечесьё.
Вот этот дом, нам прослуживший век,
Почти умеет пользоваться речью.

Мосты и переулки говорят.
Беседуют между собой балконы.
И у платформы, выстроившись в ряд,
Так много сердцу говорят вагоны.

Давно стихами говорит Нева.
Страницей Гоголя ложится Невский.
Весь Летний сад — Онегина глава.
О Блоке вспоминают Острова,
А по Разъезжей бродит Достоевский.

Сегодня старый маленький вокзал,
Откуда путь идет к финляндским скалам,
Мне молчаливо повесть рассказал
О том, кто речь держал перед вокзалом.

А там еще живет петровский век
В углу между Фонтанкой и Невой...
Все то, чего коснется человек,
Озарено его душой живою.

* * *

Все те, кто дышат на земле, —
При всем их самомнении —
Лишь отражения в стекле,
Ни более, ни менее.

Каких людей я в мире знал,
В них столько страсти было,
Но их с поверхности зеркал
Как будто тряпкой смыло.

Я знаю: мы обречены
На смерть со дня рождения.
Но для чего страдать должны
Все эти отражения?

И неужели только сон —
Все эти краски, звуки,
И грохот миллионов тонн,
И стон предсмертной муки?..

* * *

Цените слух, цените зренье,
Любите зелень, синеву, —
Все, что дано вам во владенье
Двумя словами: «Я живу».

Любите жизнь, покуда живы.
Меж ней и смертью только миг.
А там не будет ни крапивы,
Ни роз, ни пепельниц, ни книг.

И солнце даже не заметит,
Что в глубине каких-то глаз
На этой маленькой планете
Навеки свет его погас.

* * *

Когда-нибудь, с течением веков
Совсем не будет у людей фамилий,
А только имена, — как у богов,
Что так недавно на Олимпе жили.

Как Афродита, Гера, Аполлон,
Да будет каждый оценен, замечен
И, если даже смертен будет он,
Оставленный им образ будет вечен.

Недаром, полюбив, мы и сейчас
По имени любимых называем.
Так пусть их будут множества. У нас
Источник нежности неисчерпаем.

* * *

Исчезнет мир в тот самый час,
Когда исчезну я,
Как он угас для ваших глаз,
Ушедшие друзья.

Не станет солнца и луны,
Поблекнут все цветы.
Не будет даже тишины,
Не станет темноты.

Нет, будет мир существовать.
И пусть меня в нем нет,
Но я успел весь мир обнять,
Все миллионы лет.

Я мыслил, чувствовал, я жил
И все, что мог, постиг,
И этим право заслужил
На свой бессмертный миг.

НАДПИСЬ НА КАМНЕ

Не жди, что весть подаст тебе в ответ
Та, что была дороже всех на свете,
Ты погрустишь три дня, три года, десять лет,
А перед нею — путь тысячелетий.

ПОЖЕЛАНИЯ ДРУЗЬЯМ

Желаю вам цвести, расти,
Копить, крепить здоровье.
Оно для дальнего пути —
Главнейшее условие.

Пусть каждый день и каждый час
Вам новое добудет.
Пусть добрым будет ум у вас,
А сердце умным будет.

Вам от души желаю я,
Друзья, всего хорошего.
А все хорошее, друзья,
Дается нам недешево!

ОСНОВНЫЕ КНИГИ С. Я. МАРШАКА
(Библиографическая справка)

- Детки в клетке.** Л., изд-во «Радуга», 1923.
Дом, который построил Джек. Л., Государственное издательство, 1924.
Цирк. Л., изд-во «Радуга», 1925.
40 Норд, 50 Вест. Л., ОГИЗ, 1930.
Доска соревнований. Л., ОГИЗ, 1931.
Мистер Твистер. Л., ОГИЗ, 1933.
Английские баллады и песни. М., Гослитиздат, 1941.
Урок истории. М., Гослитиздат, 1942.
Избранные переводы. Английские баллады и песни. М., ГИХЛ, 1946.
Роберт Бернс в переводах С. Маршака. Избранное. М., ГИХЛ, 1947.
Быль-Небылица. М., Детгиз, 1947.
Сонеты Шекспира в переводах С. Маршака. М., ГИХЛ, 1948.
Стихи. Сказки. Переводы в двух книгах. М., Гослитиздат, 1955.
Плывет, плывет кораблик. М., Детгиз, 1956.
Сочинения в четырех томах. М., Гослитиздат, 1957—1960.
Избранные переводы. М., Детгиз, 1959.
Сказки. Песни. Загадки. М., Детгиз, 1960
В начале жизни. Страницы воспоминаний. М., изд-во «Советский писатель», 1961.
Избранная лирика. М., ГИХЛ, 1962.
Избранное. М., изд-во «Художественная литература», 1964
Сатирические стихи. Избранное. М., изд-во «Советский писатель», 1964.
Воспитание словом. М., изд-во «Советский писатель», 1964.
Лирические эпиграммы. М., изд-во «Советский писатель», 1965 (в печати).
Вильям Блейк в переводах С. Я. Маршака. М., изд-во «Художественная литература», 1965 (в печати).

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Самуил Яковлевич Маршак писал лирические и гражданские стихи, он целиком отдал два десятка срединных лет своей жизни детской литературе (1920—1940 гг.), работал над поэтическими переводами (больше всего в сороковых-пятидесятых годах), над пьесами, сатирическими стихами, очерками и статьями. Из-за некоторой «инерции славы» для большинства читателей он прежде всего — детский писатель, а затем — переводчик Шекспира, Бернса и других иностранных поэтов. Между тем свой литературный путь он начал и завершил лирическими стихами и прозой, достигнув в конце этого пути самой вершины своего мастерства. Его первая книга лирических стихов — «Избранная лирика» (1962 г.) была удостоена высшей награды — Ленинской премии. В последние годы им было написано много стихотворений, не вошедших в эту книгу и частично опубликованных после его смерти. Можно надеяться, что лирика Маршака получит такое же широкое народное признание, каким пользуются его книги для детей и поэтические переводы. В книжке не представлены его лирические эпиграммы, которые почти одновременно выходят в издательстве «Советский писатель».

СОДЕРЖАНИЕ

Самуил Маршак. <i>Корней Чуковский</i>	3
Словарь	5
«О том, как хороша природа...»	6
«Когда, изведав трудности ученья...»	6
«Когда мы попадаем в тесный круг...» *	7
«Когда вы долго слушаете споры...»	8
«Тебе пишу я этот дифирамб...» **	8
«Все мне детство дарило...» **	9
«Свои стихи, как зелье...» **	10
«Даже по делу спеша, не забудь...»	10
«На всех часах вы можете прочесть...»	10
«Мы знаем: время растяжимо...»	11
«И поступь и голос у времени тише...»	12
«Порой часы обманывают нас...»	12
«Быстро дни недели пролетели...»	13
«Как призрачно мое существованье!..»	13
«Не знает вечность ни родства, ни племени...»	14
«Столько дней прошло с малолетства...»	15
«Пустынный двор, разрезанный оврагом...»	16
«Как хорошо, что с давних пор...» *	16
«Ты много ли видел на свете берез?..»	17
Жаворонок *	17
Счастье	18
«Солнышко»	18
«Сколько раз пытался я ускорить...»	19
Последний фонарь за оградой **	20
«Стояло море над балконом...» *	20
«Когда был черный этот лес...» *	21
«Владеет морем полная луна...» **	21
«— Должно быть, мир не тот, не тот...» *	22
Последний сонет	22
«Когда, как темная вода...»	23
«Чудес, хоть я живу давно...»	23
«Все то, чего коснется человек...»	24
«Все те, кто дышат на земле...» **	25
«Цените слух, цените зренье...» **	26
«Когда-нибудь, с течением веков...» **	26

«Исчезнет мир в тот самый час...» **	27
Надпись на камне **	28
Пожелания друзьям	28
Основные книги С. Я. Маршака	29
От составителя <i>И. С. Маршак</i>	30

ПРИМЕЧАНИЕ. Стихотворения, отмеченные звездочкой, публиковались при жизни С. Я. Маршака в периодической печати, двумя звездочками — не публиковались при жизни. Остальные печатались в книге «Избранная лирика».

Маршак Самуил Яковлевич

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА. М., «Молодая гвардия», 1965.

32 с. («Б-чка избранной лирики».)

P2

Редактор *М. Беляев*

Художник *А. Власова*

Художественный редактор *Н. Коробейников*

Технический редактор *Е. Михалева*

А10713. Подп. к печ. 28/VIII 1965 г. Бум. 70×108¹/₃₂.
Печ. л. 1 (1,4). Уч.-изд л. 1. Тираж 260 000 экз.
Заказ 1484. Цена 5 коп. СПХЛ 1965 г., № 525.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

5 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ